

Вспоминая период подготовки к началу Маньчжурской операции, Маршал Советского Союза К.А. Мерецков писал: «Силы врага знать нужно. Однако вы никогда не одержите победы, не зная и его слабостей. Мы постарались учесть и последнее. Как установила разведка, между узлами сопротивления, а также между укрепленными районами оставались промежутки, не заполненные фортификационными сооружениями. Таким образом, линия обороны была почти сплошной, но все же не совсем. Мы уцепились за это «почти»».

Закончилась Великая Отечественная война, но на Дальнем Востоке оставалась мощная группировка милитаристской Японии. Советская армия, верная союзническому долгу, приняла активное участие в ее ликвидации на территории Маньчжурии.

24.3. Разведка в ходе разгрома Квантунской армии

24.3.1. Разведка фронтов

Разведчикам удалось установить не только слабые звенья в обороне противника. Силы разведывательных отделов фронтов добыли точные сведения об авиабазах и аэродромах противника, выявили места расположения складов горючего, боеприпасов и продовольствия, наличие железных и шоссейных дорог, которые, как правило, были осями операционных направлений для действий войск. Такие данные интересовали не только командующих фронтами, но и командиров советских авиационных частей, которые должны были наносить бомбовые удары по конкретным, наиболее важным военным объектам противника и выбрасывать десантные подразделения для захвата штабов, узлов связи и командных пунктов.

Для того чтобы разгромить Квантунскую армию под командованием генерала Ямады, необходимо было лишить его возможности управлять своими многочисленными войсками. Советским военным разведчикам удалось выявить основные пункты управления. По ним были нанесены мощные артиллерийские и авиационные удары.

Оперативная разведка. Наследство Яна Берзина

Силами разведывательных отделов фронтов в период подготовки к наступлению было проведено около 200 спецопераций, в ходе которых в тыл противника было выведено 188 разведывательных групп. Через государственную границу было переброшено 588 хорошо подготовленных разведчиков, имевших радиостанции для связи с Центром. Подавляющее большинство из них полностью выполнили поставленные перед ними задачи. Сведения о противнике добывали 2452 разведчика и агента, среди которых были русские, монголы, китайцы, нанайцы и

лица других национальностей. Они владели китайским или японским языком, легко ориентировались на местности, занятой войсками Квантунской армии. Создать такую силу за один или даже три месяца невозможно. Эти силы военная разведка накапливала годами. В этой работе принимали участие Ян Берзин, Леонид Бурлаков, Кристап Салнынь, Василий Чуйков и многие другие разведчики. Чем дальше японцы находились на захваченных ими чужих территориях, тем больше появлялось у них непримиримых противников, тем шире становились возможности советских разведчиков, которым помогали те, кто не смирился с японской оккупацией. В нужный момент эта многочисленная армия военных разведчиков и их добровольных помощников была приведена в действие. Нейтрализовать ее японская контрразведка была не способна.

Разведчики и их агенты в период подготовки к наступлению держали под контролем на территории противника всё: железные дороги, аэродромы, склады и другие важные объекты на глубину от 100 до 250 километров.

Замысел противника раскрыт

Несомненным успехом советской разведки в период подготовки Маньчжурской операции было и то, что разведчикам удалось своевременно установить скрытный отвод основных японских сил от линии передового соприкосновения. Это позволило выявить замысел генерала Ямады, состоявший в том, чтобы заблаговременно вывести главные силы из-под первого, как правило, массированного удара артиллерии и авиации, сохранить их, пожертвовав частями прикрытия, и тем самым заставить советское командование бить по пустым площадям.

Задумано было правильно. Однако Ямада не предполагал, что его тайный замысел будет разгадан. Маршал Василевский воспользовался предоставленными разведкой данными — наступление началось без традиционной артиллерийской подготовки, которую ожидали Ямада и его штаб. Советские войска внезапно и стремительно с трех направлений начали боевые действия, а затем стали крушить противника на второй и даже третьей линии его обороны. Такого развития ситуации японцы совершенно не ожидали.

8 августа 1945 года советское правительство заявило японской стороне, что с 9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией. 9 августа советские войска начали стремительное наступление в Маньчжурию и уже в первые дни нанесли сокрушительное поражение Квантунской армии.

В ходе наступления разведчики, несмотря на быстро меняющуюся обстановку, также успешно решали задачи по добыванию сведений о противнике. Офицеры военной разведки принимали участие в выполнении специальных заданий командования в составе десантных отрядов и групп. Представители разведывательного отдела штаба Забайкальского фронта были в составе парламентской группы, которую командующий фронтом Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский нап

Александр Михайлович Василевский

вил 19 августа в Чанчунь, где находилась Ставка японского командования. Возглавлял группу особоуполномоченный советского военного командования полковник И.Т. Артеменко, начальник оперативного отдела штаба фронта. Это была смелая и дерзкая операция. Парламентеры вылетели в глубокий тыл противника, в Чанчунь, в 500 километрах от линии фронта, и там заставили генерала Ямаду принять требование советского командования о полной и безоговорочной капитуляции.

Солдаты Квантунской армии

Ликвидация угрозы бактериологической войны

Командующий 1-м Дальневосточным фронтом Маршал Советского Союза К.А. Мерецков также направлял в тыл противника усиленные воздушные десанты. Один из них был высажен в Харбине, в районе которого находился секретный японский бактериологический центр — «Отряд-731». Вспоминая эти события, Мерецков писал, что он приказал создать усиленные подвижные отряды с задачей «продвигаться быстрыми темпами, овладевать важными промышленными центрами и не допускать вывоза или уничтожения японцами материальных ценностей».

Серьезное содействие наступающим советским войскам оказывали русские жители этих городов. В Харбине они наводили советских десантников на вражеские штабы и казармы, захватывали узлы связи, пленных. «Благодаря этому, — писал Мерецков, — нежданно-негаданно для себя оказались в советском плену некоторые высшие чины Квантунской армии».

В те дни один из передовых отрядов 1-го Дальневосточного фронта выполнил специальное задание — захватил в плен японцев из «Отряда-731». Среди арестованных были генерал-лейтенант медицинской службы Кадзицука Рюдзи, начальник санитарного управления Квантунской армии; генерал-майор медицинской службы Кавасима Киоси, начальник производственного отдела «Отряда-731» Квантунской армии; подполковник Ниси Тосихиде, врач-бактериолог, начальник учебно-просветительского отдела «Отряда-731»; майор медицинской службы Карасава Томио, врач-бактериолог, начальник отделения производственного отдела «Отряда-731».

Были захвачены в плен и другие сотрудники японских бактериологических центров. Среди арестованных был и генерал Ямада Отозоо, главнокомандующий Квантунской армией. Все эти японцы были приговорены в 1949 году Военным трибуналом Приморского военного округа к длительным срокам тюремного заключения.

Характеризуя назначение «Отряда-731», обвиняемый Ямада показал: ««Отряд-731» был организован в целях подготовки бактериологической войны, главным образом против Советского Союза, а также против Монгольской Народной Республики и Китая». Далее Ямада показал, что на отряд № 100 «возлагалась задача по проведению диверсионных мероприятий, то есть заражению эпидемическими бактериями пастбищ, скота и водоемов. В этой части отряд № 100 в своей работе был тесно связан с разведывательным отделом штаба Квантунской армии...».

*Павел Агафонович
Голицын*

24.3.2. Войсковая разведка

О дивизионной разведке в ходе этой операции мы решили рассказать, используя воспоминания П.А. Голицына. Павел Агафонович Голицын, в годы Великой Отечественной войны воевавший в составе партизанской бригады «Чекист», в 1944 году поступил на курсы усовершенствования, а после успешного окончания учебы принимал участие в Параде Победы. По личной просьбе был направлен для прохождения дальнейшей службы на Дальний Восток.

Голицын Павел Агафонович

Дивизионная разведка в ходе разгрома Квантунской армии

В Приморском округе

«В Приморский военный округ, штаб которого размещался в Ворошилове-Уссурийском, я прибыл в июле 1945 года. После короткой беседы в штабе меня назначили помощником начальника разведки 105-й стрелковой дивизии, штаб которой дисло-

цировался в Галенках. 105-я стрелковая дивизия являлась настоящей дальневосточной дивизией, не принимавшей участия в боях против немцев. Командовал дивизией генерал-майор Себер, среднего роста, крепкого сложения, 40 с лишним лет. Дивизия имела старую организационную

структуру, отличавшуюся от структур фронтовых дивизий. Разведка была представлена дивизионной разведывательной ротой в составе трех взводов и подразделений обеспечения, в стрелковых полках были взводы конной и пешей разведки, в артиллерийском полку — батарея разведки, в инженерно-саперном батальоне — взвод инженерной разведки, в роте химзащиты — взвод химической разведки.

Разведывательные подразделения были полностью укомплектованы офицерами, сержантами и рядовыми разведчиками и находились в боеготовом состоянии. Моим непосредственным начальником был начальник разведки дивизии капитан Никитин Федор Егорович, все время служивший на Дальнем Востоке, хорошо знавший обстановку и особенности службы в этом отдаленном крае. Капитан Никитин не имел никакой разведывательной подготовки, но опыт службы в разведке, организации боевой подготовки разведывательных подразделений имел хороший. Читал всё, что попадало в руки, касавшееся разведки. Был всегда подтянут, исполнительен до скрупулёзности. Мне он сразу понравился, и отношения у нас сложились самые деловые и товарищеские.

Командир разведывательной роты капитан Амочкин, очень энергичный, подтянутый, спортивного сложения, про таких говорят «офицер-живчик», много работал лично по обучению роты разведывательным приемам. Знакомая с разведротой, я сделал открытие — командиром одного из разведывательных взводов оказался мой родственник, сын двоюродной сестры Федя Корнилов, в звании лейтенанта, хотя по возрасту он был старше меня на 5 лет.

Во время представления командиру дивизии генералу Собиеру между нами состоялась довольно продолжительная беседа.

Он главным образом интересовался, как велись боевые действия войск против немцев. Я извинился перед ним и доложил: «Я же воевал в партизанах и не знаю всей организации боя на фронте». Но он все равно выслушал меня о действиях партизан, о моей оценке немецких войск.

Поскольку в дивизии офицеров-фронтовиков были единицы, то за меня взялись политотдел и редакция дивизионной газеты, чтобы я выступал перед личным составом подразделений через газету. Я добросовестно выполнял эту работу.

Все видели, что потоки эшелонов с войсками идут с запада на восток, в том числе и в Приморье, понимали, что обстановка складывается предвоенная и что скоро что-то должно произойти — война против японцев, боевые действия против самой сильной японской Квантунской армии, развернутой в Маньчжурии вдоль границ с Советским Союзом.

Оценка противника и замысел командования

Мы, офицеры-разведчики, проводили занятия с разведподразделениями и подразделениями стрелковых войск по организационной структуре, вооружению и тактике действий японских войск. Изучали японские войска на Хуньчуньском операционном направлении, а более полно и подробно — войска и укрепления Дунсинженьского и

Пехота на марше

Хуньчуньского укрепленных районов. Материалов для подготовки к занятиям в дивизии было достаточно. За долгие годы противостояния с Квантунской армией наша разведка добыла довольно полные разведывательные сведения о японских войсках в Маньчжурии. В 1945 году Главным разведуправлением были изданы справочники со схемами укрепленных районов с подробным описанием огневых средств в каждом УРе предполагаемых районов развешивания полевых войск па случай войны.

К моменту проведения Маньчжурской операции нашим войскам противостояла сильная группировка японских войск. Вдоль границы с СССР и МНР у японцев имелись 17 укрепленных районов общей протяженностью в 1 тысячу км, в которых насчитывалось около 8 тысяч долговременных огневых сооружений. Квантунская армия насчитывала 31 пехотную дивизию, 9 пехотных бригад, одну бригаду спецназначения (смертников) и две танковые бригады. Общая численность противника составляла 1 320 тыс. человек, у него имелось 6260 орудий и минометов, 1155 танков, 1900 самолетов и 25 кораблей.

Замысел главного командования советских войск предусматривал разгром Квантунской армии путем одновременного нанесения двух основных (с территории МНР и советского Приморья) и ряда вспомогательных ударов по сходящимся к центру Маньчжурии направлениям, расчленения и уничтожения вражеских сил по частям.

Наша 105-я стрелковая дивизия в составе войск 1-го Дальневосточного фронта вводилась в прорыв на направлении Дунин—Ванцин, т.е. в левофланговой группировке войск фронта. Но об этом мы узнали только накануне начала войны, когда дивизия была поднята по тревоге и вышла к участку прорыва восточнее маньчжурского города Дунин.

В ожидании начала

Командование дивизии, возможно, знало о сроках начала боевых действий, так как по прибытии в штаб дивизии в Галенки, начальник штаба приказал командиру разведроты развернуть для меня на сопке около штаба дивизии палатку для жилья: резона устраиваться где-то на квартире мне не было, а общежитием дивизия не располагала. Офицеры жили по частным квартирам, кто где мог устроиться. У меня в лагерной палатке стояла кровать, солдатская тумбочка, самодельный столик из пустых ящичков, табуретка с ведром воды, света никакого не было. Простейший рукомольник висел на столбике на улице. Все мое личное имущество помещалось в деревянном чемоданчике, сделанном земляком-умельцем Степаном Бельковым во время моего заезда в родной Черноисточинск. Спартанская обстановка меня вполне устраивала, настроение было хорошее, желания работать — хоть отбавляй. Родственник — командир разведвзвода Федя Корнилов пригласил меня в гости. Он снимал угол с кроватью в деревенской избе, так устраивались и другие офицеры дивизии. Устроил для меня праздничный ужин, за которым мы вспомнили родину, родственников, поделились мнениями о предстоящей войне. Рассказал Федя об обстановке в разведроты, поделился мнением об офицерах роты, о своих планах на будущее. Он, как и я, закончил краткосрочные офицерские курсы, получил лейтенантское звание и назначение в разведроту. Встреча с Федей для меня была приятной, все-таки как-никак родственник, дополнительная поддержка, а главное — он подробно проинформировал меня об особенностях службы на Дальнем Востоке, а особенностей хватало.

Началось...

Ориентировочно 8 августа к исходу дня дивизия сосредоточилась в 15—18 км от государственной границы восточнее Дунина.

9 августа начались боевые действия мощным огнем артиллерии и ударами авиации по огненным точкам укрепленных районов и войскам японцев в глубине Маньчжурии. Мы слышали гром от разрывов снарядов. Во всех частях дивизии были проведены короткие митинги по случаю начала войны, на одном из них, в штабе дивизии, выступал и я. Во второй половине 9 августа наша дивизия была введена в прорыв, проделанный артиллерией, авиацией, передовыми отрядами прямо напротив Дунина. День был солнечный, видимость идеальная. Гряда высоких сопок, господствовавшая над нашей территорией, с оборудованными на ней дотами, дзотами, казематами горела. Чуть слышно где-то вдалеке раздавались пулеметные очереди. Всё остальное было подавлено нашей артиллерией и авиацией. Колонны войск дивизии шли прямо через пограничный город Дунин. Население пряталось, редко были видны китайцы, перебежавшие через дворы своих построек.

Мне было приказано возглавить разведывательный отряд дивизии в составе разведывательной, пулеметной рот и батареи самоходно-артиллерийских установок САУ-76 с задачей: вести разведку в полосе движения дивизии в направлении Дунин—Ванцин, устанавливать силы, состав и принадлежность отступающих японских войск, рубежи оказываемого сопротивления и какими силами они заняты, направления отхода японцев. Двигаться надо было впереди дивизии на удалении 10—15 км от ее главных сил. Роты были посажены на грузовые автомашины. В батарее САУ-76 — 4 самоходных 76-мм орудия. Связь с начальником разведки дивизии — по радио и посыльными. Разведывательные взводы конной разведки вели разведку впереди и на флангах своих двигавшихся полков.

Начальник разведки капитан Ф.Е. Никитин постоянно находился в штабе дивизии вместе с переводчиком японского языка Джумой Атабаевым.

Разведка в пустоте

По маршруту ведения разведки попадались только разрозненные, неуправляемые мелкие группы отходящих японцев, которые сразу же сдавались в плен. Мы приказывали бросать оружие и идти вдоль дороги навстречу дивизии, что они охотно исполняли, а в дивизии их собирали и направляли на сборные пункты военнопленных. В плен попадали в основном японцы из состава расчетов разгромленных укрепленных районов и подразделений боевого обеспечения. Это настораживало. Мы задавали себе вопрос «А где же регулярные полковые войска Квантунской армии?» Беспокоило такое положение и командование дивизии. Мы двигались в какой-то пустоте, постоянно в напряжении, в ожидании фланговой контратаки или худшего — контрудара крупными силами.

Я во время привалов приезжал в штаб дивизии и докладывал полученные разведывательные данные начальнику разведки и командованию.

В один из дней я увидел обгонявшего нашу колонну на «додже» своего товарища по разведкурсам капитана Бакалдина, поприветствовал его, он остановился. Бакалдин служил в разведотделе штаба 17 АК. Он проинформировал меня о том, что основные, главные силы японцев на нашем направлении следует ожидать на рубеже Муданьцзян—Ванцин. В последующем эти данные подтвердились.

Орехи подготовки к войне

Мы продолжали движение на Ванцин. Количество отступавших японцев увеличилось, но организованного сопротивления дивизия не встречала. Кое-где, особенно в ночное время, слышались отдельные выстрелы и пулеметные очереди или нашего охранения, или натывавшихся на него японцев.

В разведывательном отделении дивизии обнаружилось, что переводчик старший лейтенант Атабаев оказался недостаточно

подготовленным по японскому языку, и нам с большим трудом удавалось допрашивать пленных японцев, которых становилось все больше. Ему было трудно читать и переводить японские документы. Атабаев до назначения переводчиком в дивизию закончил в Хабаровске краткосрочные курсы переводчиков японского языка. За короткий срок он, конечно, не мог хорошо освоить японский, поэтому у него возникали трудности с переводом, но он кое-как справлялся. Атабаев набирался опыта на практике. А как человек Джума был добросовестным, очень порядочным товарищем. Года через полтора я встретил Атабаева уже в роли переводчика, работавшего в лагере военнопленных японцев, и спросил у него: «Каковы успехи в языке?» Он ответил: «Вот бы теперь мне допросить тех пленных». Только теперь он стал настоящим, квалифицированным переводчиком.

Другой проблемой, которую испытывали войска и мы в нашей разведывательной деятельности, было отсутствие точных крупномасштабных карт. Наши карты были составлены в 1905 году, в период русско-японской войны. Перед Маньчжурской операцией их просто переиздали со старыми данными, без внесения изменений за продолжительный промежуток прошедшего времени. Особенно грешили неточностями данные по населенным пунктам, их названиям, дорожной сети. Поэтому в большинстве случаев мы ориентировались по ландшафту местности. Вот где пригодился мой партизанский опыт в ориентировании на местности, в работе с картой. Странное ощущение, знакомое только, наверное, военным людям. Когда в какой-то момент не знаешь или сомневаешься, где ты находишься, тебя охватывает волнение, и продолжается оно до тех пор, пока не восстановишь ориентировку. У военного человека чувство необходимости сориентироваться сохраняется на всю жизнь. Находясь даже вне службы, на отдыхе, в путешествии, он по-

стоянно стремится узнать, где он находится по отношению к тому или иному населенному пункту, т.е. ориентируется.

В районе Ванцин

15 августа наш разведывательный отряд и дивизия вошли в город Ванцин, пройдя от границы более 150 км.

Из информации штаба корпуса и от некоторых офицеров мы узнали, что японцы подготовили и провели контрудар в районе г. Муданьцзян, который пришелся по войскам 5-й армии, нашим соседям справа. Наши войска отразили этот удар японцев, но им пришлось вести ожесточенные бои.

Наша дивизия сосредоточилась в районе Ванцин, ее штаб разместился в самом городе, а мне с разведывательным отрядом, только уже без батареи САУ-76, было приказано выдвинуться в район 15 км южнее г. Ванцин, т.е. развернуться на юг, в сторону Кореи.

В новую задачу разведывательного отряда входило: вести разведку южнее г. Ванцин, выявлять расположение японских войск, небольшие группы японцев обезоруживать, захватывать в плен и направлять в Ванцин, о крупных группировках докладывать немедленно в штаб дивизии. Разведывательный отряд расположился в одной из китайских деревень, в живописной долине, по которой протекала быстрая горная река с водой кристальной чистоты. С командирами рот я провел рекогносцировку. Определили вероятные направления возможного нападения на наш отряд японцев со стороны гор и долины, наметили места для оборудования пулеметных площадок, позиций обороны подразделений на случай нападения японцев, места для секретов и постов охраны в ночное и дневное время. С высот окружавших гор наша деревня просматривалась как на ладони — игрушечные китайские фанзы, огороды с аккуратно обработанными грядками, загоны для скота. Вдоль долины шла проселочная дорога, по которой могла проехать автомашина, а в южном направлении от нас просматривались уже не сопки, а горы.

Местное население наш приход приветствовало и стало оказывать нам всяческое содействие в обустройстве. Из Ванцина мы захватили с собой проводника по имени Цой, он поддерживал контакт с местными китайцами и информировал нас обо всем происшедшем в округе (в горах, соседних населенных пунктах); китайцы со страхом, но все бежали к нам докладывать, если обнаруживали где-либо японцев или узнавали что-либо о них, т.е. у нас появились добровольцы-разведчики из числа местных жителей.

За время длительной оккупации Маньчжурии японцы стали ненавистны китайцам. Они жестоко эксплуатировали китайцев, относились к ним как к людям второго сорта, вели себя в Китае как господа. Мне в Ванцине пришлось наблюдать такую картину. При разгрузке мешков с рисом пленными японцами китайцы из Народно-революционной армии встали в две шеренги с палками. Между ними трусцой пробегали японцы с мешками на спине. Как только кто-либо из японцев замедлял темп бега или ронял мешок, на него тут же сыпались удары палок. Мы были потрясены этой восточной жестокостью. Но это говорило и о том, как китайцы ненавидели японцев, как они хотели избавиться от них свою землю.

Японцы сдаются?

Ежедневно мы направляли один-два, а иногда и три разведывательных дозора из состава разведроты в составе 5—6 человек во главе с офицером, с оружием и биноклями, для разведки в горы. Встретив японцев, наши дозоры указывали им, куда идти сдаваться в плен (в сторону деревни, где мы располагались). Японцы в большинстве случаев выполняли это требование. Перед деревней их встречали наши разведчики, указывали место для складирования оружия, при необходимости направляли на школьный двор. Собрав группу

человек 80—100 пленными японцев, мы направляли их в Ванцин под охраной двух-трех разведчиков.

Но часто встречались группы японцев, которые не хотели сдаваться в плен, пытались скрыться, а иногда и открывали огонь. Не мог усидеть в деревне энергичный командир роты капитан Амочкин, и я его отпустил с дозором. Частенько с дозорами уходил и я сам. Дня за 3—4 мы изучили окружающую местность и неплохо на ней ориентировались. Беспокоили нас ночи. Часто японцы, не зная, что в деревне есть русские, натыкались на нашу охрану. С той и другой стороны открывалась стрельба, однако обычно японцы убегали и на этом инциденты исчерпывались. Но явного, подготовленного японцами нападения на наш маленький гарнизон не было.

Однажды днем разведчики обнаружили движение большой группы кавалерии в направлении нашей деревни. Мы изготовились к бою, пулеметчики заняли свои позиции, но, встретив наше охранение, офицер-кавалерист помахал белым флажком и остановил своих конников. По нашей команде японцы спешили, положили оружие и сдались в плен. Это был неполный кавалерийский эскадрон — человек 60—70 во главе с майором. Эскадрон был построен на площадке около школы, и наши разведчики обыскали каждого японца. У двух японцев в карманах обнаружили по одной несданной

Сдача оружия японскими солдатами

гранате. Мы показали эти гранаты майору. Он поочередно подошел к каждому из них и несколько раз ударил по лицу. У того и другого брызнула кровь, но никто из них даже не посмел поднять руку и вытереть ее. Нас всех это поразило. Рукоприкладство в японской армии не возбранялось.

Полк смертников специального назначения

Из доставшихся нам лошадей эскадрона мы примерно 20 с седлами и полной сбруей оставили себе и содержали в разведроте. Подвижность наших разведывательных дозоров увеличилась. Мы стали посылать группы в разведку на лошадях.

Майор-японец сообщил нам ценные данные. Он сказал, что в горах, примерно в 10—15 км от нас на юго-восток, находится полк десантников-смертников из группы специального назначения. Он случайно встретил одного из офицеров этого полка, который сообщил, что полк находится в полной боевой готовности и не собирается сдаваться. О японском полке специального назначения я лично доложил командованию дивизии и начальнику разведки капитану Никитину. Переводчик Атабаев допросил майора-японца, он снова подтвердил эти данные.

Я получил задачу найти японский полк и доложить о его местонахождении, а также всё, что удастся установить о нем. Донесение о полке японцев пошло и в штаб корпуса.

Посылка дозоров в два предполагавшихся района расположения японского полка закончилась безрезультатно.

Однажды с командиром разведзвезда Фейей Корниловым и тремя разведчиками я сам отправился на поиск этого загадочного японского полка на лошадях. Ехали между гор по узкой долине, тропинка петляла то по одному, то по другому берегу небольшой горной речушки. День выдался солнечный, теплый, настроение было хорошее, знали, что скоро и здесь, на Востоке, одержим победу. Вдруг на противоположной стороне

речки мы заметили в кустах японских солдат. Я остановил коня, помахал носовым платком, и мы все вместе тронулись вброд к японцам, они наши сигналы видели. Доехали до середины брода, как на другой стороне реки раздался взрыв. Мы соскочили с лошадей и бросились к японцам. Двое из них подняли руки вверх, а третий лежал раненый, весь в крови. Он подорвался гранатой и через минуту скончался. Хотел ли он бросить из укрытия эту гранату в нас, или хотел подорвать себя, не желая сдаваться, или же просто всё произошло случайно, определить было трудно. Осколки просветили над нашими головами, но, к счастью, никого из нас не задели, так как мы оказались значительно ниже места взрыва. Попытались допросить японских пленных с помощью жестов и набора нескольких известных нам слов, однако ничего от них не добились. Отобрали у них винтовки, дали в руки записку и направили в сторону нашей деревни.

Поехали дальше, но происшедшее нас насторожило, мы поняли, что нужно быть более осмотрительными. Долина сужалась, повернула на восток и стала переходить почти в ущелье. Вдруг с небольшой высоты, покрытой кустами, послышались окрик и звук лязгнувшего затвора, две японские винтовки с примкнутыми штыками смотрели в нашу сторону на уровне голов. Мы остановились, я достал носовой платок, помахал им, через некоторое время японец что-то крикнул, мы продолжали стоять. Тут из-за кустов выскочил третий японец, он дал нам понять, чтобы мы стояли на месте. Стоим, я по-прежнему держу в руке носовой платок. Минут через пять прибежал еще один офицер, жестами приказал нам спешиться. Мы подчинились, и японец подал команду, чтобы солдаты убрали направленные на нас винтовки, и пригласил сесть на траву. Мы с Фейей потихоньку перекинулись парой слов о том, что, наверное, нашли то, что искали. Минут через 10 пришел офицер в чине майора и спросил нас на ломаном русском языке: «Что вы хотите?» Мы ему ответили, что являемся

представителями командования Советской Армии и прибыли к ним, чтобы уточнить, когда часть будет разоружаться и сдаваться в плен». Наверное, тональность нашего разговора не понравилась майору, он сильно помрачнел и пригласил нас к командиру. Мы с Федей пошли за ним, оставив около часовых трех разведчиков во главе с сержантом. Шли мы минут 10 и вышли к месту, где ущелье расширилось и образовывало что-то вроде котлована в горах. По краям котлована на хорошо замаскированных естественных террасах были растянуты палатки, вокруг которых располагались солдаты. Увидев нас, солдаты вскакивали с мест, пялили на нас глаза в каком-то замешательстве. Они отдавали честь майору, который за всю дорогу не промолвил больше ни слова. Ну, думаю себе, попали мы с Федей как кур в ощип, в самое пекло самураев. Обменялись с ним молча взглядами и поняли состояние друг друга. Вышли на небольшую лужайку, на которой была натянута большая конусообразная армейская палатка. Перед палаткой часовой с винтовкой. Майор-японец вошел в палатку, а мы остановились снаружи. Чуть позже тот же майор пригласил нас войти. В дальней от двери части палатки стояла лежанка, на которой сидел в военной форме подполковник-японец, командир части. Этот самурай в нашу сторону посмотрел только один раз, когда мы вошли, больше он ни разу не удостоил нас взглядом.

Тот же вопрос, что задавал нам майор: «Кто вы и чего хотите?», у нас тот же недипломатический ответ: «Мы представители советского командования, прибыли к вам, чтобы узнать, когда часть будет разоружаться и когда сдастся в плен советским войскам».

Подполковник нам ответил, что он не имеет приказа от своего командования на этот счет. Разговор на этом закончился. Мы в сопровождении майора вышли из палатки, он себя вел уже спокойнее, проще, представился нам как начальник штаба этой части, пригласил пообедать. Мы с Федей были голодны и согласились, зашли к нему в па-

латку, и, пока нам несли какой-то обед, он рассказал, что знает о сдаче в плен японских частей, и добавил, что как только часть получит приказ, она также разоружится и сдастся в плен. Еда нам в горло не лезла, мы немного перекусили и пошли к своим разведчикам, которые оказались на месте. Попрощавшись с майором, мы поехали к себе в «столицу» — нашу базовую деревеньку. Кавалерийский офицер-японец примерно правильно сообщил нам и расстояние до полка, и его местонахождение.

Я немедленно выехал в штаб дивизии в Ванцин, где доложил командованию о выполнении задачи. Командир поблагодарил, остался доволен нашей разведкой.

На другой день, это было примерно 20 или 22 августа, к нам заехал подполковник из штаба японской армии в сопровождении другого японского офицера, и мы вновь поехали в найденный нами полк. С командиром полка я уже не встречался, с начальником штаба — майором и представителем армии — подполковником согласовали сроки сдачи этого полка и его разоружения.

Полк сдавался побатальонно в течение двух дней. Батальон японцев подходил к условленному месту с полным вооружением и снаряжением, мы ему показывали место для складирования оружия и имущества и отправляли на площадку к школе, а оттуда в Ванцин на сборный пункт военнопленных.

На другой день к установленному времени следующий батальон не появился. Мы заволновались. Видим: скачут два японских всадника. Они известили нас, что в 5 км от этого места командир полка сделал себе «харакири» (вспорол живот), поэтому подразделения придут на 1 час позже установленного времени. Так и было. Остатки полка были разоружены, пленные направлены в Ванцин. Пленным японским офицерам оставлялось холодное оружие — шашки, которые, как говорили, они побросали в лагерь.

Поток пленных в нашу деревню увеличивался, мы действовали по-прежнему

очень корректно, аккуратно переправляя их в Ванцин.

Необходимость в проводнике — китайце Цое — отпала, мы по его просьбе разрешили ему поехать домой в Ванцин. Перед дорогой выбрали Цюю хорошего трофейного коня и повозку. Нагрузили ее рисом, гаолянem и чумизой, погрузили ему мешок бумажных денег и с благодарностью, тепло попрощавшись, отпустили. Он нам здорово помог, с его помощью успешно решались вопросы разведки, связанные с привлечением местных жителей. Позднее, будучи в Ванцине, в штабе дивизии, я однажды заехал домой к Цюю. Что тут было! Он поднял на ноги всю семью, соседей, приготовили угощение, главным в котором были пельмени, вкусные, специфические, отличающиеся от наших. Цой сказал, что заработанного у нас хватит его семье на 2—3 года, что он готов и впредь оказывать содействие нашей армии в разгроме японцев.

Восток — дело тонкое, но силу уважает

Деревня, где стоял наш разведотряд, была типичной для Китая того времени. Поразительная нищета. Фанзы (жилища) строились тесными, темными, без электричества. В очень больших семьях все члены семьи спали на общих нарах под какими-то лохмотьями. Под нарами в полу проходил дымоход, обогревавший их в холодное время. Отхожие места были тут же рядом, около дома. Китайцы семьями, в полном составе, трудились от рассвета до заката. Поля и огороды были ухоженными. Обработывались они вручную, без средств механизации. Воду для полива высоко в горы поднимали женщины и дети на коромыслах. Доходы от продажи сельхозпродукции были мизерными. Одевались крестьяне очень скромно. В деревне царил страшная антисанитария, тысячи мух не давали спокойно поесть, сваливались в тарелку, везде блохи, которые набрасывались на нас с остервенением. Наши профилактические меры против мух и блох

(помывка стен и полов с бензином, карболкой, натягивание марли на окна) не давали желаемых результатов.

Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал А.М. Василевский 17 августа 1945 года передал командующему войсками японской Квантунской армии следующую радиogramму:

«Штаб японской Квантунской армии обратился по радио к штабу советских войск на Дальнем Востоке с предложением прекратить военные действия, причем ничего не сказано о капитуляции японских вооруженных сил в Маньчжурии. В то же время японские войска перешли в наступление на ряде участков советско-японского фронта.

Предлагаю командующему войсками Квантунской армии с 12.00 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен.

Как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия.

17 августа 1945 года 6.00 (по дальневосточному времени)».

Приняв это предложение командования советских войск, японцы, по указанию своего командования, 19—20 августа прекратили вооруженное сопротивление. Поток японцев для сдачи в плен увеличился и к расположению нашего разведывательного отряда. Офицеры разведывательной и пулеметной рот поспешно принимали оружие, бегло, уже не обыскивая, а внешне осматривая сдавшихся в плен японцев, собирали их в колонны и под охраной двух-трех солдат направляли в Ванцин. Среди военнопленных иногда попадались женщины-японки (врачи, сестры, жены офицеров).

Около нашей деревни росли горы оружия и разного военного имущества, о котором мы докладывали командованию дивизии. Потом это оружие и снаряжение было передано Народно-освободительной армии Китая»³.

Переговоры о сдаче

24.4. Оперативная разведка флота на Дальнем Востоке

24.4.1. 140-й отдельный морской разведотряд ТОФ

Формирование отряда

После 1938 года на Тихоокеанском флоте ежегодно проводились учения по высадке разведгрупп из подводных лодок в подводном положении. Такая же подготовка проводилась и в годы войны. В 1945 году по опыту этих учений было даже разработано наставление по высадке РГ с плавсредств. Однако к формированию 140-го отряда флот приступил только в январе 1945 года, а закончить формирование должен был к 15 марта. Но проверка хода создания подразделения выявила неудовлетворительное положение дел.

В конце концов, отряд был сформирован на базе 181-го разведотряда штаба Северного флота под командованием Героя Советского Союза старшего лейтенанта В.Н. Леонова. Это и определило характер последующих его действий. В августе 1945 года отряд провел несколько блестящих операций в ряде корейских портов, но водолазное снаряжение не использовал.

«Всего через неделю после Победы разведывательный отряд Северного флота получил команду — отбыть на Тихоокеанский флот. Туда отобрали тех, кто помоложе, здоровее. А ранее, за два месяца до окончания войны, из отряда отобрали трех опытных, боевых командиров отделений и отправили на Амурскую флотилию.

Сборы отряда были короткими, а дорога на Восток долгой. Отряд убыл с командиром Леоновым, с Героями С. Агафоновым и А. Пшенич-

ных. Настала пора североморцам отплатить тихоокеанцам за товарищество, за флотское братство.

С прибытием во Владивосток отряд североморцев по сути влился в Тихоокеанский отряд, ибо «северян» по численности была одна треть всего отряда, но они стали ядром нового соединения. И этим «салажатам», не нюхавшим пороха, предстояла учеба короткая, но крайне напряженная.

В июне РО в обновленном составе перебрался на остров Русский. Составлена программа специальной подготовки с расчетом в короткие сроки обучить необстрелянных тихоокеанцев, освоить «северянами» новый театр военных действий. Скрупулезно вооружившись лупами, разведчики изучали побережье противника по топокартам и аэрофотоснимкам, справочникам. Много внимания уделялось огневой подготовке, изучению стрелкового оружия врага, усиленно тренировались в высадке на надувных лодках и в штить и при накате, прыгали в воду, таща за собой лодки, цепляясь за водоросли, срываясь со скользких камней.

Все прекрасно осознавали близость боевых действий с Японией, отлично понимали, что эти события должны положить конец Второй мировой войне.

Война началась в ночь на 9 августа 1945 г. Как и следовало ожидать, РО Леонова оказался на заострении удара наших войск в этой фазе войны. Первая операция РО — дерзкая высадка днем прямо в порт Унги (Юки) с целью выяснения обстановки в порту, в городе, ибо он был ближайшим к советско-корейской границе»⁴.

Вспоминает Виктор Николаевич Леонов: «...у нас сейчас два взвода. Первым командует мичман Александр Никандров, а вторым, где много новичков, — главный старшина Макар Бабиков. Семен Агафонов назначен помощником к Бабикову и ревностно занимается с молодыми разведчиками. Агафонов учит их показом. Новичок, которому Герой Советского Союза, сам Семен Агафонов, говорит: «Делай, как я!» — глубоко убежден, что переползать или маскироваться надо так, как замком взвода. И вообще наши новички стараются во всем походить на бывалых разведчиков.

Взводы тренировались в высадке десанта, когда было получено известие о начале военных действий против японских агрессоров. Мы тотчас же вернулись в базу и прочли принятое по радио заявление нашего министра иностранных дел. Каждому советскому человеку, и особенно ве-

теранам войны, ясна цель нашего правительства: приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий.

Когда выступим? Скоро ли наш черед? В отряде царил тот активный боевой дух, который политработники называют наступательным порывом.

Уже сухопутные войска прорвали вражескую оборону и ведут наступление в Маньчжурии, ушли в боевые походы многие корабли, а мы все еще ждем. Нетерпение нарастает. Разведчики ропщут: «Попадем к шапочному разбору». Они уверены, что я и замполит что-то утаиваем. А мы ничего пока не знаем. Гузненков на вопросы разведчиков многозначительно отмалчивается. Беседуя со мной, он сравнивает отряд со стрелой лука. Чем больше натянут лук, тем сильнее и стремительней будет полет стрелы.

Стрела пущена

Утром 11 августа получили приказ, и отряд, погрузившись на два десантных катера, взял курс к северному побережью Кореи — к порту Юки в Японском море.

Даль, подернутая утренним туманом, скрывала от нашего взора гористое побережье Северной Кореи. Показался дым. За этим дымом — Юки. Покидая порт, японцы подожгли склады у причалов и жилые дома.

Мы высадились на берег. Улицы Юки пустынные.

— Араса! Араса! — услышали мы вначале приветственные крики и лишь потом увидели корейцев, которые выбегали из своих дворов нам навстречу. Переводчик объяснил нам, что «араса» означает «русский».

«Русерне!» — вспомнил я радушные возгласы норвежцев, когда они первый раз увидели нас на своем берегу.

Неприятель так поспешно бежал из города, что в панике забыл эвакуировать из госпиталя своих раненых и больных. Я по-

просил корейцев ухаживать за ранеными до прихода наших частей. Старый кореец, которому переводчик передал мою просьбу, сказал, чуть склонив голову на грудь:

— Вы зашли в пустой город, потому что японцы угнали население. Пожары — тоже их рук дело. Русский офицер просит, чтобы мы ухаживали за ранеными японскими солдатами — это для нас закон. Но пусть русские знают, что в городе остались переодетые японцы. Под рубахами корейских крестьян они прячут пистолеты и гранаты. Они будут стрелять вам в спину. Вас мало, будьте осторожны.

Вскоре выяснилось, что нас уже много. С гор спускалась колонна советской мотопехоты. [...]

По радио получен приказ: отряду следовать в порт Расин. Но и там японцев не оказалось.

— Чудная война! — удивлялся Семен Агафонов, когда мы возвращались на Русский остров. — В двух портах побывали, а японцев в бою так и не видели⁵.

Бой за Сейсин

Отряд активно действовал и дальше на приморских участках и в первых бросках десанта.

Мужественный, беспредельно смелый, крепкий духом офицер успел достойно проявить себя и на Дальнем Востоке. Его отряд первым высадился в портах Расин, Сейсин.

«А назавтра грянуло одно из наиболее ожесточенных в истории отряда сражений — бой за Сейсин.

Сейсин расположен на берегу широкой бухты, с трех сторон окаймленной грядами зеленых сопков. Это крупный город Северной Кореи с населением, превышающим двести тысяч человек.

В планах японских агрессоров Сейсин как военная база и плацдарм для наступления на Советское Приморье занимал особое место. Японцы расширили сейсинские порты — военный и торговый. Через Сейсин шло снабжение Квантунской армии в

Маньчжурии. Проходящие через Сейсин железная и автомобильная дороги связывали север Кореи с югом и центром страны.

Военный совет Тихоокеанского флота приказал нашему отряду и роте автоматчиков морской пехоты во главе с офицером Иваном Яроцким разведать бухту, захватить и удержать причалы, по которым через Сейсин отступают части Квантунской армии. Нам выделили десять катеров. Пять катеров возьмут на борты десантников, а пять прикроют высадку. Около двухсот морских разведчиков и пехотинцев совершают первый бросок. За нами после-

дует головной отряд — пулеметная рота и батальон морской пехоты майора Бараболько. Мы должны обеспечить беспрепятственный вход в бухту главных сил.

Член Военного совета Тихоокеанского флота предупредил нас, что Сейсинская операция является сложной и ответственной. Защищая свои коммуникации в Сейсине, японцы будут яростно сопротивляться. Если нам удастся внезапно захватить плацдарм, японцы приложат все усилия, чтобы его ликвидировать.

— Близ Сейсина квартируются подразделения императорской дивизии, — сказал нам командующий, — отборные самураи охраняют порты, мосты, вокзал. Но верим в успех этой операции, знаем — смелости и дерзости, стойкости и мужества советским морякам не занимать. Потому и посылаем вас.

Я, Яроцкий и командиры из дивизиона торпедных катеров — участников первого броска поблагодарили командующего за доверие и разошлись по своим подразделениям.

Утренняя дымка тумана рассеивается, но впереди, над бухтой, к которой мы приближаемся, еще висит молочная пелена тумана. Пока видны лишь зеленые вершины сопков, но вот обозначился излом вспененного прибоем берега, и наконец показали причалы торгового порта.

Трескучая дробь японского пулемета прорезала утреннюю тишину. Комендоры

первого катера подавили огневую точку на причале, но с ближней сопки мыса Колокольцева ухнула японская пушка. Раз, другой, третий...

Наши катера на полном ходу ворвались в порт и высадили десант. Пушки с мыса Колокольцева еще стреляют по уходящим в море катерам, а мы мелкими группами просачиваемся в прибрежные кварталы.

Никто пока не оказывает нам сопротивления.

С небольшого холмика виден Сейсин, изрезанный каналами с двумя магистралями — железнодорожной и автомобильной. Несмотря на ранний час, на улицах Сейсина оживленно. Клубится пар от невидимого за домами паровоза, мчатся по шоссе автомобили. И железнодорожный состав, и автомобили направляются в одну сторону, на юг, туда, где возвышается большая насыпь между мостами через канал. А за насыпью виднеются корпуса металлургического завода.

— Мосты! — услышал я позади голос Гузенкова.

Да, мосты. Они сейчас станут объектами боя. Насыпь между ними — хороший рубеж для обороны. Договариваюсь с Яроцким, чтобы он прикрывал наш тыл и правый фланг.

— Видите мосты? — я повернулся к Никандрову и Бабикову. — Тебе, мичман, — железнодорожный мост, главстар-

шине — автомобильный. Если не удастся захватить мост — взорвать полотно и дорогу. Машины и поезд надо остановить!

Взвод Никандрова, смяв охрану моста, вырвался на железнодорожную насыпь. Японские солдаты разбежались по кукурузным посадкам вдоль железной дороги и открыли огонь из винтовок.

Тяжело второму взводу, который пробивается к автомобильной магистрали. Гарнизон Сейсина поднят по тревоге, и

Десант в Сейсин

разведчики Бабикова ведут необычные для них уличные бои. Японские снайперы стреляют с чердаков, из окон домов. Самураи из отряда смертников, переодетые в гражданское платье (разведчики принимали их за местных жителей и потому не трогали), бьют нам в спину.

Бои, неожиданные и скоротечные, возникают в разных местах. Управлять ими трудно.

Прибежал вестовой Гузненкова (замполит находился по взводу Никандрова) и доложил, что вооруженные японцы проникли в торговый порт. Враг, очевидно, намеревается отрезать нас от берега, и Гузненков послал на очистку причалов группу разведчиков под командованием главстаршины Тяросова. Разведчики с этой задачей справились и сейчас охраняют порт. Там же находятся раненые.

Не успели мы ликвидировать одну опасность, как возникла другая. Со стороны металлургического завода, к шоссе, двигалась большая колонна неприятеля. Автоматчики Яроцкого обстреляли колонну и не дали японцам приблизиться к насыпи. Но автомобильный мост еще не захвачен разведчиками Бабикова — они ведут бой на шоссе и громят автоколонну. А со стороны моста взвод японцев с отчаянной дерзостью контратакует нас, прокладывая себе дорогу гранатами.

Спешу на помощь Бабикову. Он ранен. Осколок гранаты рассек ему бровь. Бабиков подполз ко мне, поднял обмотанную бинтом голову и доложил, что его разведчики залегли у самой насыпи, так как дальше двигаться невозможно. В это время по ту сторону моста перестрелка усилилась. Автоматчики Яроцкого с трудом сдерживали японцев, ожидая, пока мы захватим мост.

— Главстаршина Бабиков, вам ясна задача?

По моему тону главстаршина понял, что я недоволен действиями его взвода.

— Может, в обход насыпи? — нерешительно спросил он, думая только о помощи автоматчикам Яроцкого и забыв про мост.

Это меня разозлило:

— Я не считаю вас раненым. Выполняйте приказ!

Макар побледнел, чуть слышно сказал «Есть», отстегнул противотанковую гранату и побежал в сторону насыпи.

Зарываясь в песок, Бабиков и еще два моряка подползли к мосту, метнули противотанковые гранаты. Мы ринулись вперед, почти в упор расстреливая охранявших мост японцев. Часть разведчиков осталась у моста, чтобы встретить новую автоколонну японцев, остальных я послал на вырубку автоматчиков Яроцкого.

Мы соединились с Яроцким, захватили всю насыпь между двумя мостами, и только теперь я увидел, как поредел второй взвод.

Японцы отступили к металлургическому заводу.

Коммуникации в Сейсине перерезаны. Сейчас можно заняться разведкой центральных кварталов города.

Основные силы неприятеля находятся в военном порту, но следует ожидать атак с тыла, со стороны металлургического завода. Сейчас полдень, а передовой отряд — пулеметная рота и батальон морских пехотинцев — будет высаживаться только ночью. У нас много раненых и ограниченный запас боеприпасов. Посоветовавшись с Яроцким, решаю продолжать разведку, избегая больших боев.

Чем ближе к центру, тем улицы шире, и наконец мы вышли на площадь. У здания театра толпился народ. Группа юношей побежала нам навстречу. Смуглый коренастый кореец держал развернутое красное знамя. Молодые корейцы спрашивали нас, можно ли им водрузить это знамя над зданием театра? Мы, конечно, разрешили, и через несколько минут коренастый кореец со знаменем уже взбирался по лесенке к самому шпилю купола театра.

— Мун! — кричали ему снизу. — Скорей, Мун, пока японец не стреляет!

Красный флаг над зданием театра привел японцев в ярость. С мыса Колокольцева начался артиллерийский налет по центру города. Когда он прекратился, самураи пошли в наступление. Снова разгорелись отдельные бои.

Группа разведчиков из взвода Никандрова контратаковала японцев. Сразив часового у ворот дома, мичман Никандров и старший матрос Оляшев забежали во двор и столкнулись с двумя японскими офицерами. «Руки вверх!» — скомандовал им мичман. Японский офицер побагровел, выхватил саблю и кинулся на Никандрова. Несдобровать бы мичману, но удар сабли пришелся по стволу русского автомата. Владимир Оляшев выручил мичмана, ударом приклада сбив с ног японца. Другой офицер тут же поднял руки.

От японцев, атаковавших нас со стороны военного порта, мы были защищены обводным каналом — он проходил по центру города. Насыпь позади нас обороняли автоматчики. Но с рассветом неожиданно вспыхнул бой у побережья бухты. Я послал туда в разведку несколько моряков во главе с Агафоновым. Через час Семен вернулся, и мы узнали, что наступающий день сулит нам новые, еще более серьезные испытания.

Гарнизон Сейсина получил подкрепление. Японцы прочно удерживали почти все побережье бухты, военный порт и метал-

лургический завод. Агафонов видел два вражеских катера и несколько шлюпок — они пересекли залив, направляясь к торговому порту, где находилась небольшая группа главстаршины Тяросова и раненые. Дорога к торговому порту уже была перерезана.

Положение осложнялось тем, что нашей пулеметной роте так и не удалось выполнить свою задачу. Японцы обнаружили десант и не дали пулеметчикам высадиться на берег. Бой японцев с десантниками мы и слышали на рассвете. Но еще до этого, в полночь, пехотинцы майора Бараболокко высадились недалеко от военного порта и заняли оборону на одной из сопкок. Радиограмма Бараболокко нас подбодрила.

В такой обстановке пассивность, медлительность, выжидание могут привести к гибели людей и к срыву всей операции. Если враг численно превосходит нас, то тем важнее не упускать инициативу боя. Мы прорвались к сопке, занятой морскими пехотинцами, и я попросил Бараболокко усилить наш отряд ротой автоматчиков. Получив ее, я повел десантников на очищение прибрежных кварталов. Дошли до насыпи и уже вместе с автоматчиками Яроцкого стремительно контратаковали неприятеля и захватили металлургический завод. Неприятель с ближних сопкок подбросил свежие силы и окружил завод. Теперь сопка у военного порта, на которой обороняются две роты Бараболокко, и металлургический завод окружены японцами. О группе Тяросова в торговом порту мы ничего не знаем.

Получена радиограмма адмирала Юмашева: пробиваться в военный порт, близ которого пехотинцы Бараболокко, приняв на себя главный удар, отбиваются от нападающих на них со всех сторон японцев. С группой Тяросова по-прежнему нет связи. Кратчайший путь к военному

Бой за Сейсин

порту лежит через прибрежные кварталы. Впереди — уличные бои, и меня опять беспокоит ограниченный запас патронов. Но приказ есть приказ, и я дал команду подготавливаться к прорыву.

Ранило Яроцкого. Японская пуля угодила в гранату, которой он замахнулся. Макар Бабиков после полученного ранения заметно обессилел. Но Яроцкий и Бабиков продолжают командовать своими подразделениями. Тяжело ранило старшего матроса Максимова, и Владимир Оляшев от рубежа к рубежу таскает его на спине. У радиостанции остался один Кажаяев — Миша Калаганский взялся за автомат и пошел в цепь.

Солнце в зените, изнуряющая жара томит моряков, а напряжение боя не спадает. Спасибо Муну — он позаботился о еде и воде. Рискуя жизнью, сейсинцы и их проводник Мун доставляют нам в ведрах воду, в котелках — рисовую кашу и даже фрукты. Корейки заботливо перевязывают раненых товарищей.

Контратака не облегчила наше положение. Японцев много, их сопротивление усилилось, и нам даже не удалось приблизиться к торговому порту. Ведем бой, тяжелый и неравный, еще не зная, что оставленный на башне металлургического завода Семен Агафонов уже заметил в море два наших корабля.

В Сейсинскую бухту вошли фрегат и тральщик.

В руках у Агафопова были два лоскутка красной материи, и он просемафорил кораблям:

«Окружены японцами. Будем пробиваться к военному порту вдоль берега. Поддержите нас огнем».

Первые разрывы снарядов, выпущенных нашими кораблями, определили рубеж, к которому мы устремились в атаку. Мы шли следом за огненным валом. Комендоры с фрегата и тральщика славно потрудились, прокладывая нам путь. Корабли поочередно разворачивались то

одним, то другим бортом и непрерывно стреляли. Стволы орудий, как нам потом рассказывали комендоры, накалились до того, что их поливали водой из пожарных шлангов.

Самураев, засевших в подвалах прибрежных домов, приходится выкуривать гранатами и безостановочно двигаться за огненным валом фрегата и тральщика. Когда причалы торгового порта остались позади, Гузенков и Агафонов побежали разыскивать группу Тяrosoва. Они знали дом, в подвале которого находились разведчики Тяrosoва и раненые.

В подвале никого не оказалось. К дверям была приколота бумажка: «Передать в политуправление Тихоокеанского флота».

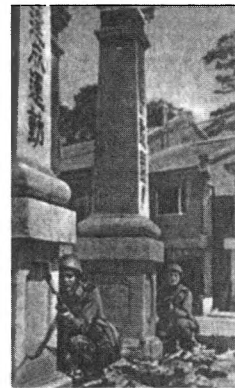
Гузенков прочел написанное на другой стороне листа:

«Дорогие товарищи! Мы, моряки из отряда Леонова, шесть здоровых и восемнадцать раненых, уходим в бой с приближающимся к торговому порту японским десантом. Мы их не пустим на берег. Пока живы, ни один самурай не ступит ногой на причал. Клянемся в этом!»

По поручению всех защитников торгового причала — главстаршина Тяrosoв, матросы Ермаков, Кальченко, Кедяров, Баев, Грищенко».

Гузенков и Агафонов кинулись к причалам, но никого там не застали. По обрывкам бинтов да по кучкам стреляных гильз можно было определить, что здесь происходило. И в прибрежном квартале не было никаких следов пребывания группы Тяrosoва.

Гузенков и Агафонов тревожно переглянулись, не зная, что предпринять дальше. В это время они увидели бегущего к ним Тяrosoва.

На улицах Сенсина

— Что случилось? Где народ? — спросил Гузненков Тяросова.

— Все в порядке. Соединились с отрядом, и командир послал меня за вами. Товарищ старший лейтенант, а вы в подвал не заходили?

— Заходил. И письмо ваше читал. Вот оно...

— Видите, как получилось? — Тяросов смутился. — Мы решили причал не покидать. Смертным боем дрались и отогнали японцев. А когда услышали позади бой, ушли вас искать и про письмо забыли.

— Я этот документ сохранию! — Гузненков спрятал письмо защитников торгового порта.

Уже к концу дня мы ворвались в военный порт, захватили причалы, и прибрежные ярусы. Когда стемнело, Гузненков с двумя моряками пробрались к сопке, где десантники Бараболько все еще вели ожесточенный бой. Бараболько решил с сопки не уходить. Он по-прежнему сковывал основные силы неприятеля и помогал нам обороняться в военном порту.

Перед рассветом японцы с необычайной яростью атаковали нас и захватили верхний ярус. С криками «банзай» они шли вперед, намереваясь сбросить нас в море. По цепи разведчиков пронесся тот же клич, что десять месяцев назад на мысе Крестовом:

— Держаться! Держаться!

И мы держались до тех пор, пока не услышали залпы орудий вошедших в Сейсинский порт кораблей. А вскоре началась высадка бригады морской пехоты генерал-майора Трушина.

Исход Сейсинской операции был предрешен.

Никто из нас, конечно, не думал, что двухдневными боями в Сейсине завершилась летопись отряда морских разведчиков во Второй мировой войне»⁶.

Захват пленных в Гензоне

Всюду своей решительностью леоновцы подавляли противника. Так, в Гензоне они

разоружили и взяли в плен 2000 солдат и 200 офицеров, захватили три батареи, пять самолетов, склады с боеприпасами.

«Нас было сто сорок бойцов, — рассказывал Леонов. — Мы внезапно для противника высадились на японском аэродроме и вступили в переговоры. После этого нас, десять представителей, пригласили в штаб к полковнику, командиру авиационной части, который хотел сделать из нас заложников.

Я подключился к разговору тогда, когда почувствовал, что находившегося вместе с нами представителя командования капитана третьего ранга Кулебякина, что называется, приперли к стенке. Глядя, глаза японцу, я сказал, что мы провоевали всю войну на западе и имеем достаточно опыта, чтобы оценить обстановку. Что заложниками мы не будем, а лучше умрем, но умрем вместе со всеми, кто находится в штабе. Разница в том, добавил я, что вы умрете, как крысы, а мы постараемся вырваться отсюда... Герой Советского Союза Митя Соколов сразу встал за спиной полковника, остальные также знали свое дело. Андрей Пшеничных запер дверь, положил ключ в карман и сел на стул, а богатырь Володя Оляшев (после войны — заслуженный мастер спорта, неоднократный чемпион страны по лыжным гонкам) поднял Андрея вместе со стулом и поставил прямо перед японским командиром. Иван Гузненков подошел к окну и доложил, что находимся мы невысоко, а Герой Советского Союза Семен Агафонов, стоя у двери, начал подбрасывать в руке противотанковую гранату. Японцы, правда, не знали, что запала в ней нет. Полковник, забыв о платке, стал вытирать пот со лба рукой и спустя некоторое время подписал акт о капитуляции всего гарнизона.

Построили три с половиной тысячи пленных в колонну по восемь человек. Все мои команды они исполняли уже бегом. Конвоировать такую колонну у нас было некому, тогда командира и начштаба японцев я посадил с собой в машину. Если хоть один, говорю, пленный убежит — пеняйте на себя.

Пока вели колонну, в ней стало уже до пяти тысяч японцев...

Гвардейское звание получите

Должен сказать, что, если бы не наш отряд, никакой войны в Корее вообще бы не было. Японцы хотели уйти в американскую зону и там сдать в плен. Но у нас не было случая, чтобы мы не выполнили задания, которое нам давали, каким бы оно ни было. Мы умели в любых условиях бороться до последнего.

После Крестового отряд представили к ордену Красного Знамени, но это не было утверждено. Кто-то считал, что мы — временная часть, которая после войны не

будет нужна. На Дальнем Востоке я прямо спросил у наркома Н.Г. Кузнецова:

— Почему вы считаете нас временной частью?

— Так не я один считаю. — А потом все же сказал: — Гвардейское звание получите. И обещание выполнил»⁷.

«Выполнив свой долг, личный состав отряда на японской шхуне, укомплектовав экипаж своими специалистами, провожаемый сотнями боевых друзей, взял курс к родным берегам.

На переходе была получена радиogramма наркома ВМФ адмирала флота Н.Ф. Кузнецова о присвоении отряду почетного звания Гвардейский»⁸.

14 сентября 1945 года старший лейтенант Леонов был удостоен второй Золотой Звезды.

24.4.2. 71-й разведывательный отряд особого назначения Краснознаменной Амурской флотилии

В июне 1945 года в составе Амурской флотилии начал формироваться разведотряд особого назначения. В него вошли моряки-разведчики, прибывшие с Черноморского и Северного флотов.

Формирование и состав отряда

Отряд был сформирован в середине июня 1945 года при разведывательном отделе штаба Краснознаменной Амурской флотилии в основном из моряков-добровольцев, специально отобранных на кораблях и в частях флотилии.

Отряд был подчинен начальнику разведывательного отдела штаба Краснознаменной Амурской флотилии капитану 2-го ранга Борису Назаровичу Бобкову. В недавнем прошлом комиссар-подводник, активный участник войны с белофиннами и Великой Отечественной войны, опытный, мудрый и храбрый разведчик, чрезвычайно требовательный, но справедливый начальник, Борис Назарович Бобков пользовался у офицеров отдела и у всех разведчиков отряда огромным уважением и непререкаемым авторитетом. Он лично участвовал в подборе бойцов при формировании разведотряда, много занимался боевой и политической подготовкой разведчиков в период становления подразделения, приложил много сил, ума, творческого опыта при разработке боевых задач, которые при-

шлось выполнять разведчикам с началом войны. Разведчики называли его между собой «батей», хотя по возрасту тогда он был не старше некоторых из них.

Командиром отряда был назначен капитан Степан Матвеевич Кузнецов — флагманский специалист штаба флотилий по физической подготовке. По характеру человек очень спокойный, уравновешенный, волевой и, как показали боевые действия, смелый, решительный, а когда требовалось — осторожный.

Перед началом боевых действий заместителем командира разведотряда, а по совместительству переводчиком был назначен старший оперативный офицер агентурного отделения разведотдела лейтенант Тарский Юрий Самсонович. Он имел опыт разведывательной работы и прилично владел китайским и английским языками, а также определенным минимумом японского.

Основную массу бойцов отряда, насчитывавшего 45 человек, составляли матросы и старшины — амурцы, в большинстве своем уроженцы Приамурья, Алтая, Сибири. Почти все они в годы войны служили на Дальнем Востоке, боевым опытом не обладали, но страстно рвались в бой и горели патриотическим желанием поскорее положить конец Второй мировой войне. Немалую роль играло также естественное стремление молодых людей показать свою отвагу и смелость, доказать фронтовикам, что и они, вынужденные стоять в годы войны заслоном против врага на Востоке, способны сражаться за свою Родину не хуже героев Великой Отечественной войны.

Следует отметить, что при подборе личного состава отряда обращалось самое серьезное внимание на физические данные и физическую подготовку кандидатов, умение владеть оружием, хорошую вазимоторную реакцию.

Ядром отряда стала группа опытных разведчиков — старшин, сержантов и матросов, прибывших после окончания боевых действий с Северного и Черноморского флотов. Группа североморцев, воевавших в отряде Героя Советского Союза В.Н. Леонова и имевших большой боевой опыт, была более многочисленной и состояла из 9 человек. Ее прибытие оказало существенное влияние как на боевую подготовку отряда, состоявшего в основном из личного состава, не имевшего боевого опыта, так и на дальнейшие действия разведчиков в ходе боевых действий.

В отряде было 5 членов партии. Парторг — старшина 1-й статьи Дмитриев. Все остальные были комсомольцами. Комсорг отряда — матрос А. Меньшов, а его заместителем был старшина 1-й статьи В. Коротких.

Вооружение и снаряжение

Вооружение разведотряда было штатным: 3 станковых, 4 ручных пулемета системы Дегтярёва, автоматы ППШ, ручные гранаты Ф-1, РГД-5, ПТ.

Из штатного вооружения имелись 3 автомата «шмайссер», один — «суоми» и 4 пистолета «маузер».

Весь личный состав отряда перед началом боевых действий был переодет в армейское обмундирование солдатского образца без знаков отличия. Однако все без исключения моряки разными путями ухитрились оставить, припрятав, тельняшки, а некоторые — и бескозырки. В бой все шли, надевая под гимнастерки тельняшки, и никакие приказы не могли помешать этому. Впрочем, если быть честным до конца, то следует признать, что командир отряда и его заместитель делали то же самое.

Подготовка на начальном этапе

На начальном этапе предварительная боевая подготовка бойцов отряда мало чем отличалась от подготовки солдат армейских частей, но постепенно она усложнялась, в нее вводились все новые специфические элементы, связанные с выполнением разведывательно-поисковых и диверсионных задач, методами десантирования с кораблей, катеров, с воздуха, действиями отряда как штурмового подразделения. Отрабатывалось взаимодействие отделений и одиночных бойцов.

Одиночной подготовке разведчиков отводилась весьма значительная роль, при этом особое внимание обращалось на владение средствами связи, умение стрелять из личного оружия, из станковых и ручных пулеметов, пользоваться оружием противника. Четыре бойца были подготовлены к вождению автотранспортных средств, в том числе и японских. При подготовке отряда практиковались длительные марши и марш-броски, практическое десантирование в условиях сильного противодействия противника. Для тактической подготовки командиров отделений и бойцов был оборудован стол-макет местности, на котором проигрывались различные варианты действий на определенных участках местности.

Ориентировочно была известна и возможная главная задача, которая может быть поручена отряду с началом боевых действий. Считалось, что ему скорее всего предстоит действовать на острие главного удара совместно с 1-й бригадой речных кораблей (БРК), которая должна будет артогнем и высадкой десантов обеспечить войскам форсирование Амура, захват плацдарма на полуострове в устье р. Сунгари и далее осуществление прорыва в Сунгари с последующим овладением узлом сопротивления противника в городке Тунцзян. Кроме того, 1-я БРК с началом военных действий должна была совместно с частями 161 сд и 101 УР уничтожить вражеские плавсредства на Амуре и в устье Сунгари.

Хочется отметить, что в период подготовки разведотряда значительное место отводилось партийно-политической работе среди личного состава, но проводилась она в основном в устной форме, что диктовалось необходимостью строгого соблюдения секретности. Только 5 августа 1945 года личному составу КАФл было открыто объявлено, что предстоит с оружием в руках выступить против империалистической Японии, дабы положить конец Второй мировой войне и выполнить свои союзнические обязательства. С этого момента вся агитационно-пропагандистская работа проводилась открыто под лозунгом «Разгромим японского агрессора!».

Подготовка к выполнению первой задачи

К вечеру 5 августа 1945 года разведотряд на преданном ему катере «Смелый» был срочно переброшен из главной базы флотилии в район маневренной базы «Ленинское», которая находилась непосредственно на границе и располагалась напротив устья р. Сунгари и маньчжурского города Тунцзян. Здесь были продолжены тренировки личного состава на местности. Исходя из возможной боевой задачи, тренировались в высадке с малых высадочных средств, в ведении ближнего и рукопашного боя, в бесшумном снятии часовых противника, в действиях в ограниченном пространстве (т.е. в зданиях), в использовании средств связи, допросе военнопленных и т.д.

Для тренировок была выбрана скрытая от визуального наблюдения противника дальняя протока, напоминающая по конфигурации местности место возможного выполнения первой боевой задачи. Одновременно группа разведчиков, выдвинутая на границу, осуществляла рекогносцировочное визуальное наблюдение за входом в устье Сунгари, прилегающими протоками, городом Тунцзяном и объектами, интересующими командование.

Бдительное наблюдение разведчиков за берегом противника позволило выявить приход в Тунцзян из Цзяцусы рейсового парохода, который должен был следовать по выходе в Амур до города Хэйхэ (напротив нашего Благовещенска). По предложению разведотдела была спланирована операция по захвату этого парохода на Амуре с началом боевых действий. Забегая несколько вперед, следует сказать, что, несмотря на ожесточенное сопротивление японских солдат и офицеров из охраны судна, операция, которой руководил лично начальник разведотдела ка-

питан 2-го ранга Б.И. Бобков, была проведена успешно и выполнила поставленную задачу. Изъятый с захваченного парохода атлас судоходных карт всего течения реки Сунгари за одну ночь был переведен на русский язык, размножен и уже утром поступил на все боевые корабли флотилии, которым предстоял путь с боями вверх по реке Сунгари.

Первая боевая задача

Восьмого августа 1945 года в 14.00 начальник РО штаба КАФл капитан 2-го ранга Бобков в присутствии члена Военного совета КАФл контр-адмирала Яковёно поставил командиру разведотряда капитану С.М. Кузнецову первую боевую задачу: в 00.00 09.08.45 г. группе разведчиков во главе с капитаном С.М. Кузнецовым и лейтенантом Ю.Л. Тарским скрытно высадиться в районе погранполицейского поста Могонхо (условное название «Гвоздь»), контролировавшего непосредственный вход в устье Сунгари, лишить его средств внешней связи и бесшумно захватить путем дерзких решительных действий.

Захвату этого объекта придавалось особо важное значение в связи с тем, что имелось предположение, что пост оборудован средствами для управляемого подрыва минных заграждений, возможно установленных в устье реки и ведущих к нему протоках. По имеющейся информации личный состав ПП «Гвоздь» состоял из 23 человек во главе с поручиком Сукабэ Кэсаго. Группа захвата — 30 человек. Обстановка на объекте, подходы к нему, расположение охраняемых постов, внутреннее расположение помещений прорабатывались предварительно по данным визуального наблюдения пограничников, а также агентурной разведки РО КАФл, пристально изучавшей данный район.

В 23. 30 8.08 на катер «Смелый» прибыл начальник разведки КАФл капитан 2-го ранга Бобков. На палубе катера построились полностью вооруженные и экипированные разведчики. Обращаясь к ним, капитан 2-го ранга сказал: «Ровно в ноль-ноль часов 9 августа наша страна, верная своим союзническим обязательствам, объявит войну империалистической Японии. Советский Союз вступает в эту войну, желая прекратить агрессию японской военщины и побыстрее установить мир на земле. Вы, разведчики, идете в бой первыми. Это трудное и опасное дело, но я уверен, что каждый из вас с честью выполнит свой долг перед Родиной. Боевой вам удачи, разведчики!»

Ровно в полночь «Смелый» начал движение к берегу противника. Высадка прошла бесшумно и незаметно для противника. Сняв двух японских часовых на берегу и одного возле склада с боепитанием, разведчики незаметно подобрались к объекту и без единого выстрела ворвались во внутренние помещения, действуя против ошеломленных японцев только армейскими ножами и прикладами автоматов. Телефонные линии, связывающие объект с тылом, были найдены и перерезаны перед захватом поста, а рация обезврежена, не успев выйти в эфир. Командир объекта, пытавшийся покончить с собой, был обезоружен и, как и несколько других пленных, доставлен на «Смелый».

Разведотряд выполнил боевую задачу. В черное дождливое небо взмыли три красные ракеты — условный сигнал, что вход в Сунгари находится в наших руках и безопасен. Ракеты еще не успели погаснуть, когда к вражескому берегу устремились десятки наших кораблей и судов с армейским десантом.

Город Тунцзян был занят нашими частями практически без боя. Японское командование спешно отводило свои разбитые войска в Фуцзиньский укрепленный район, где намеревалось оказать серьезное сопротивление.

В освобожденном Тунцзяне на площади перед обгорелым остовом здания жандармерии возник стихийный митинг. Выступали не только наши офицеры, матросы и солдаты, но и китайские жители города. Поднимаясь на импровизированную трибуну — задрاپированный кумачом кузов японского грузовика «Нисан», они пресекающимися от волнения голосами говорили сердечные слова благодарности советским воинам, освободившим их от японского рабства. Мне не забыть старика в старом бумажном халате, по виду рабочего, который, вытирая слезы с изборожденного морщинами лица, выкрикивал в толпу, окружающую грузовик: «Мы столько лет ждали вас, братья из страны Ленина! Спасибо, что вы пришли и принесли нам свободу! Пройдет десять тысяч лет, но ни один китаец не забудет вашего подвига!»

План командира принят

Отряду поручена новая боевая задача — разведать Фуцзиньский укрепленный район, куда противник отвел свои части от границы. Участок огромный, густо насыщен оборонительными сооружениями и войсками противника, хорошо им контролируется.

По первоначальной разработке штаба разведчики должны были высадиться со «Смелого» на юго-западной окраине Фуцзиня, где было меньше оборонительных сооружений противника, а следовательно, ожидалось и менее сильное его противодействие при обнаружении им отряда. Капитан Кузнецов предложил иной план — произвести высадку прямо на городской пристани, в центре Фуцзиня. Свое предложение он обосновал такими доводами: во-первых, именно здесь противник не ожидает высадки, а следовательно, в нашу пользу сработает фактор внезапности; во-вторых, подход катера к пристани более безопасен в отношении минной угрозы, так как японцы вряд ли заминировали район порта, акваторией которого они активно пользуются; в-третьих, от пристани до объектов ведения разведки намного ближе, чем от юго-западной окраины города, и, наконец, в-четвертых, а это самое главное — захватив такой важный плацдарм на берегу, как пристань в центре города, отряд сделает всё, чтобы удержать его до подхода наших главных сил с армейскими десантными частями.

Капитан 2-го ранга Бобков поддержал этот план, а командующий флотилией, которому о нем доложили, дал «добро» на его исполнение и приказал выделить группу бронекатеров для огневой поддержки раз-

ведотряда. Время ведения разведки фуцзиньских укреплений было ограничено тремя часами, что связывалось с жесткими рамками общего плана боевых действий. Начало операции — 5.00 11.08.

Вижу берег!

...Ночь темная, дождливая, но уже близится утро. Над Сунгари низко стелется плотный туман. Видимость не больше пяти метров. С противоположного берега не доносится ни звука, не видно ни огонька — он будто вымер. В зыбкой тишине слышны только посвисты ветра, монотонный шорох дождя и всплески волн не на шутку разбушевавшейся реки.

Вот наконец и сигнал к началу операции. Под мелко вздрагивающей палубой глухо рокочет двигатель. Лента черной воды между катером и бортом монитора «Сун Ят-Сен», к борту которого он был ошвартован, быстро ширится. «Смелый» разворачивается и медленно, словно на ощупь, идет к чужому, затаившемуся во тьме берегу. За кормой едва различимы движущиеся тени, почти сливающиеся с водой — это бронекатера отряда огневой поддержки.

Разведчики лежат на палубе, прячутся от ветра и дождя за рубкой и надстройками. Дула пулеметов и автоматов направлены в темноту. Считанные минуты отделяют каждого из этих парней от грани между жизнью и смертью.

Берег и город открываются неожиданно, хотя разведчики глаза проглядели, высматривая их. Катер выныривает из полосы густого тумана. В свете неяркой вспышки далекой молнии разведчики видят на фоне посветлевшего неба черные изломы крыш, пятна деревьев, даже тонкую иглу фабричной трубы.

— Вижу берег! — докладывает старшина «Смелого» Володин.

— И я вижу. Подходите к пристани, старшина, — говорит невозмутимо капитан Кузнецов, и его спокойствие передается всем, кто находится рядом с ним, и потные от напряжения пальцы уже не так сжимают ложа автоматов или перестают теревить, ощупывать, на месте ли армейский нож.

Катер от берега отделяет узкая полоска воды. Последние секунды кажутся бесконечными. У борта «Смелого» замерли готовые к броску старшины В.Н. Брашин, А.А. Залевский, В.М. Коротких, парторг отряда С.П. Дмитриев, А.П. Меньшов, А.К. Тюков. У якорной лебедки припал к станкачу Новиков. Тупое рыльце «максима» направлено в сторону пристани.

— Вроде никого нет? Тихо, — говорит кто-то из моряков, больше чтобы успокоить самого себя.

И тут бухает первый выстрел со стороны пристанских паггаузов. Над рекой ослепительно вспыхивает ракета, затопляя на секунды всё вокруг мертвенным серебристым светом, и в сторону катера устремляются воющие рои огненных ос. Противник бьет из крупнокалиберных пулеметов. Нити трасс причудливо переплетаются, и каждому кажется, что хотя бы одна из них тянется к нему.

Высадка отряда

До причала чуть больше метра. Первым прыгает командир отряда. Он оскальзывается на мокрых досках причала, но удерживает равновесие и, выставив перед собой плюющий огнем ППШ, бежит к пакаузам. За командиром бросаются остальные разведчики. С бака «Смелого» их прикрывает пулеметным огнем «максим» Новикова. Затем Новиков и его расчет перебираются на причал, втаскивают своего «максимку» на плоскую крышу трансформаторной будки и оттуда, сверху, строчат по японцам прицельно то короткими, то длинными очередями. Вступают в бой и «дегтярёвы». В сплошной трескотне пулеметной и автоматной стрельбы гулко ухают разрывы ручных гранат.

Порт очищен от противника. Разведчики рвутся вперед, стараясь выбить японцев из прибрежных кварталов, расширить плацдарм и проложить путь армейскому десанту, который пойдет с получением сигнала. После короткого допроса пленного унтера становится известно, что против разведотряда действует усиленная рота речной пехоты и группа камикадзе-смертников. Японцы постепенно приходят в себя после заставшей их врасплох лихой атаки разведчиков и заметно наращивают сопротивление. Они сражаются с ожесточением обреченных, цепляясь за каждую улицу, перекресток, за каждую фанзу. Несколько раз переходят в контратаки. Для прикрытия гонят перед собой китайских жителей города, в основном женщин и детишек. Разведчики и начавшие уже высадку на плацдарме армейцы из штурмового батальона быстро разгадывают подлую уловку противника. Метким огнем снайперов и пулеметно-автоматными очередями с флангов стараются отсечь японских солдат от их жертв. Отбитых мирных жителей тут же эвакуируют в район высадки.

Жаркий бой разгорается на подступах к зданию жандармерии. Японцы согнали во двор несколько десятков китайских жителей и сначала оборонялись, прикрываясь ими, а потом, заперев во дворе, запалили все вокруг и отошли, держа двор и тех, кто находился в нем, под прицелом. Разведчики прорвались через стену свинца и огня, сбили ворота жандармерии и вывели из пламени полсотни китайцев, среди которых было много женщин и ребятишек.

На войне нет, пожалуй, ничего труднее и опаснее, чем бой в городе — в запутанном лабиринте незнакомых улиц и переулков, в домах, во дворах-колодцах, когда почти невозможно разобраться, где свой, а где враг, когда опасности подкарауливают тебя на каждом шагу и смерть может прийти в любой миг из любого окна, чердака, подвала.

Разведка позиций

Разведчики-амурцы выиграли тот бой в Фуцзине. Оттеснив противника из припортовых кварталов, они разорвали его кольцо и пробились к окраине города. Им предстояло еще выполнить не менее важную и ответственную боевую задачу — разведать огневые позиции противника у подножия горы Вахулишань, являющейся ключевым пунктом его обороны.

Командир отряда принимает решение: разведчикам скрытно подобраться вплотную к переднему краю обороны японцев, используя для этого складки местности, заросли гаоляна, а если удастся, то и отрытые противником ходы сообщений. Действовать решает тремя группами: отвлекающей под командованием старшего сержанта Протодяконова и двумя поисковыми, задача которых — ведение разведки на флангах.

Постановка боевой задачи командирам групп занимает две-три минуты. После этого бойцы Протодяконова, действующие в центре, на которых сейчас сосредоточено все внимание противника, резко ущажают темп стрельбы, кричат во все глотки «Ура!», будто вот-вот поднимутся в атаку, а тем временем капитан Кузнецов, лейтенант Тарский и бойцы отделения С.П. Дмитриева ныряют в гущу зарослей гаоляна и, петляя, то ползком, то стремительными перебежками направляются на правый фланг. Такой же маневр выполняют разведчики группы Валерия Коротких, только они спешат на левый фланг вражеской обороны.

Но и умелая маскировка не помогает разведчикам. Неприятельские наблюдатели засекли их. По гаолянному полю начинают бить малокалиберные пушки и пулеметы. Столбы огня и вывороченной земли встают сплошной стеной перед залегшими бойцами. Капитан Кузнецов приказывает: «Вперед!» — и, подавая пример, первым устремляется навстречу разрывам, к дымящимся еще снарядами воронкам, источающим кисло-горелый смрад.

Снаряды и мины рвутся уже за спинами разведчиков. Вот и край гаолянового поля. Командир отряда осторожно раздвигает гущу гаоляновых стеблей и замирает от неожиданности. Передний край противника прямо перед ним, буквально на дистанции броска ручной гранаты. Хорошо видны приземистые доты, покрытые сверху пятнистыми зелено-коричневыми камуфляжными сетями. Толщина бетона не менее ста пятидесяти сантиметров, определяет капитан. Между дотами вьются извилистые и глубокие ходы сообщений. Японцев нигде не видно — они скрываются глубоко под землей, и, может быть, поэтому всё вокруг представляется разведчикам зловещим, нереально пустынными, мёртвым. Кто-то из разведчиков обращает внимание капитана Кузнецова на бетонные пирамиды, покрытые соломенными циновками, которые высятся позади и чуть в стороне от дотов. Их назначение сначала непонятно. «Что же это может быть?» — ломает голову капитан. И вдруг его осеняет: «Да ведь это ложные доты». Он достает карту и торопливо наносит на нее расположение настоящих и фальшивых огневых точек. Командир разведотряда то и дело посматривает на часы. До окончания времени, отведенного на разведку, остается чуть больше часа. Закончив работу над картой, он приказывает: «Возвращаемся!», и разведчики ползут по-пластунски через заросли гаоляна к противотанковому рву, где назначена встреча с группой старшины 1-й статьи Валерием Коротких. В это время до них доносится с левого фланга грохот быстро нарастающей перестрелки. Это, выполнив боевую задачу, отходила под огнем врага в точку встречи группа Коротких.

Подвиг Александра Меньшова

Этой группе сразу крупно повезло: она наткнулась на заброшенный ход сообщения, продвигаясь по которому разведчикам удалось подойти вплотную к оборонительным позициям японцев. И тут противник, пытаясь ввести в заблуждение наших бойцов, понастроил множество ложных сооружений. Настоящие же двухамбразурные пушечно-пулеметные доты и дзоты были старательно замаскированы. Разведчики нанесли на карту все огневые точки и уже собирались в обратный путь, когда их обнаружили японцы из дота, расположенного на скате горы, всего лишь в 20—25 метрах. Из дота выскочила большая группа вражеских солдат, стремясь окружить и взять в плен разведчиков. Завязался ожесточенный бой. В трудную минуту, когда огонь крупнокалиберного пулемета прижал разведчиков к земле и их судьбу решали секунды, комсорт отряда Александр Меньшов рывком поднялся с земли и с силой метнул в амбразуру дота противотанковую гранату. Пулеметная дробь оборвалась, потонув в тяжком грохоте взрыва, из амбразур повалил густой черный дым. Александр Меньшов первым вскочил на ноги и, увлекая за собой товарищей, рванулся к доту. Но тут навстречу разведчикам ударили близкие выстрелы. Из-за дота поднимались в атаку японцы.

— Ложись! Гранаты к бою! Огонь! — выкрикнул команду старшина Коротких. Но Александр Меньшов не успел броситься на землю — его сразил вражеская пуля. Схватившись обеими руками за горло, матрос сделал еще шаг вперед и рухнул, как подкошенный. Автомат упал рядом — Меньшов протянул к нему руку, пытаясь дотянуться...

Задерживаться дольше разведчики не могли, и старший группы отдал приказ отходить. Возвращались по той же траншее. Тяжело раненного Меньшова несли матросы Антонов и Муравейский. Их прикрывали остальные разведчики. Японцы пытались преследовать их, но, нарвавшись на дружный огонь автоматов и потеряв нескольких человек, отстали.

Фуцзиньский укрепленный район пал

Выполнив боевую задачу в установленный срок, отряд возвращался к берегу Сунгари. Навстречу ему двигались наши войска, высадившиеся на плацдарме с кораблей флотилии. В районе Вахулишаньских высот и оборонительного вала Лифынфан, который разведали бойцы отряда, разгоралось ожесточенное сражение. Над позициями противника стояла сплошная стена разрывов тяжелых корабельных снарядов. Гул ударов орудий отзывался в падах и распадах сопки неумолчным эхом.

К полудню 13 августа 1945 года в результате совместных активных боевых действий частей 15-й армии и кораблей Краснознаменной Амурской флотилии сопротивление японцев было повсеместно сломлено, и Фуцзиньский укрепленный район противника пал. Путь для дальнейшего продвижения наших войск вверх по Сунгари к важным промышленным и административным центрам Саньсин, Цзяцусы, Харбин был открыт.

Письмо из госпиталя от Сашы Меньшова, комсорга отряда, пришло накануне выхода на очередную боевую операцию. Я зачитал его перед строем. Александр Меньшов писал нам:

«Дорогие друзья! Дела мои плохие. Рана оказалась тяжелой, и, хотя врачи от меня скрывают, я знаю, что умру. Как не хочется уходить из жизни в двадцать лет. Я еще мало сделал для своей Родины. Я еще мало жил, мало трудился. Но с первого часа войны я дрался с врагами, не щадя своей жизни, за наше правое дело, за любимую Родину...»

На этих словах письмо оборвалось. Саша не дописал его. Отправляясь в тот день на боевую операцию, разведчики поклялись отомстить за Сашу Меньшова, сражаться в бою за себя и павшего товарища. Свою клятву они сдержали.

Изменение обстановки и сопротивление противника

К 13.08 обстановка в районе боевых действий серьезно изменилась. Условия для продвижения войск 15-й армии вдоль побережья реки Сунгари ухудшились, так как в результате непрекращающихся проливных дождей уровень воды в реке и в ее притоках заметно поднялся, затопляя и размывая прибрежные дороги. В связи с этим советским командованием было принято решение: замедлить темп продвижения второго эшелона 15-й армии через Амур в районе манбазы «Ленинское» и на других участках. Направить больше высвободившихся кораблей в район боевых действий.

15 августа командующий 2-м Дальневосточным фронтом отдал приказ, не дожидаясь подхода частей 15-й армии (на что требовалось много времени), возложить боевую задачу по овладению городом Цзямусы на корабли флотилии.

Противник со своей стороны принимал все меры, чтобы сорвать выполнение этой задачи, удержать в своих руках важный военно-промышленный центр, с падением которого для наших войск открывалась бы возможность для дальнейшего продвижения к Харбину и столице Маньчжурии Чанчуню. С этой целью японцы затопили на фарватере Сунгари несколько барж и судов, пускали по течению навстречу движению советских кораблей плоты и связки бревен, пытались провести минирование на отдельных участках реки.

В боях за город Цзямусы

На подступах к Цзямусы 1-й отряд бронекатеров КАФл после короткого, но жестокого боя захватил в плен вражескую канонерку «Цзян Пин», выполнявшую разведывательную задачу. В надежде преградить нашим кораблям путь к городу в 22.00 15 августа японцы подорвали железнодорожный мост через р. Сунгари, но и эта мера не достигла цели. Бронекатера, на которых находились разведчики 71-го РО ОСНАЗ, нашли проходы между разрушенными фермами моста, провели нужные промеры глубин и обеспечили безопасный подход кораблей флотилии непосредственно к рейду Цзямусы.

Амурцы действовала быстро, решительно и отважно. Бронекатера и монитор «Ленин», несмотря на ожесточеннейший огонь с берега, подошли прямо к причалам Цзямусского порта. Первыми высадились и вступили в бой разведчики капитана С.М. Кузнецова. Им пришлось драться за каждое сооружение, за каждую канаву, которые с невероятным упорством обороняли рота речной пехоты, две группы смертников и подразделения армейских войск.

Разведчики действовали решительно. Овладев прибрежным участком, они закрепились на нем, а затем, очистив от противника ряд портовых сооружений, расширили плацдарм и обеспечили высадку на него первых армейских и флотских штурмовых групп личного состава корректировочных корабельных постов, а затем и армейских частей. Во время жестокого боя в порту разведчики и поддерживающая их группа моряков с монитора «Ленин» под командованием старшего лейтенанта Н. Вейцмана захватили важные боевые оборонительные пункты противника — управление порта и элеватор. Разведчики Протодяконов, Братухин и Тарский водрузили военно-морской флаг на вышке управления порта, а моряки с «Ленина» Загинайлов, Поплов и Федорцев подняли флаг на здании элеватора.

Бойцы 71-го разведотряда, действуя на самом острие наступления, продвигались под огнем противника к центру города, выбывая японцев буквально из каждого здания. Особенно жестокий бой разгорелся за овладение зданием жандармского управления, где засела большая группа смертников. Моряки-разведчики преодолели сильный ружейно-пулеметный огонь противника, умело действуя гранатами, и завершили бой рукопашной схваткой в самом здании, освобождая от врага комнату за комнатой, этаж за этажом. Я лично командовал разведчиками в этом бою и навсегда запомню удивительную отвагу, ловкость, презрение к смерти, с которыми действовали старший сержант Иван Протодяконов, старшина 1-й статьи Валерий Коротких и Сергей Дмитриев, матросы Иван Мусиенко и Василий Сидоркин.

Вслед за разведчиками 71-го отряда и первым броском десанта началась высадка подразделений 532-го стрелкового полка, который при поддержке корабельной артиллерии к исходу дня полностью овладел городом Цзямусы.

Разоружение пехотной бригады

В тот же день группа разведчиков на бронекатерах была переброшена в район селения Мынгалли, что в 7 км ниже Цзямусы, где участвовала в разоружении и пленении капитулировавшей 7-й смешанной японо-маньчжурской пехотной бригады, насчитывавшей более 3500 человек. В переговорах о капитуляции участвовали лично начальник разведотдела штаба КАФл капитан 2-го ранга Б.Н. Бобков, лейтенант Ю.С. Тарский и 11 разведчиков. Обстановка была сложной, японо-маньчжуры начали колебаться при виде малочисленной группы советских воинов, однако спокойная решительность капитана 2-го ранга Бобкова, невозмутимая храбрость разведчиков, которые вели себя так, будто находятся у себя дома, сломили колебания противника. Помогло также и то, что в район сосредоточения противника прибыл отряд бронекатеров

с двумя ротами бойцов 632-го стрелкового полка. В плен было взято 4 генерала, два полковника и около 25 офицеров 7-й смешанной бригады и прибывших к ней частей японо-маньчжурских войск.

Как всегда, на острие главного удара

Корабли флотилии продолжали продвижение вверх по Сунгари, не давая противнику передышки, не позволяя ему сосредоточить или перегруппировать свои силы для оказания решительного сопротивления. На пути движения к городу и порту Саньсин разведчики 71-го отряда приняли активное участие в овладении двумя сильно укрепленными пунктами противника, на которых он пытался задержать наше наступление. Это были опорные пункты Аоцин и Хуньхэдао. Как и во всех предыдущих операциях, разведотряд десантировался первым, завязывал бой за овладение местом высадки и, действуя как штурмовое подразделение, обеспечивал расширение плацдарма в целях высадки главных сил, т.е. армейского десанта. В бою за опорный пункт Аоцин японский гарнизон потерял около 60 человек убитыми и ранеными, в плен сдалось более 350 вражеских солдат и офицеров, при этом в качестве трофеев было захвачено много оружия и снаряжения. В бою за Хуньхэдао японцы потеряли свыше двух рот своих солдат убитыми и очень большое число ранеными. В обоих случаях разведчикам оказывали существенную помощь моряки боевых кораблей флотилии как метким и мощным артиллерийским огнем, так и высадкой на сушу десантов из числа добровольцев.

После этих боев разведчики умело и отважно действовали при взятии важного административного и военного центра города Саньсин. Первыми высадились с катеров на набережной Харбина, прямо напротив штаба японской Сунгарийской флотилии, и, захватив здание штаба, поставили у его входов свои караулы.

Награды Родины

В виде резюме можно заметить, что бойцы 71-го РО ОСНАЗ штаба Краснознаменной Амурской флотилии с честью выполнили все боевые задачи, которые в течение войны с Японией возлагались на них командованием. Оценкой их деятельности, профессиональной подготовки, личной отваги и неустрашимости может служить то, что все разведчики были отмечены высокими правительственными боевыми наградами, а командир отряда капитан Степан Матвеевич Кузнецов удостоился высшего боевого отличия Родины — звания Героя Советского Союза.

24.5. Разведка доложила точно

После завершения Маньчжурской операции советские разведчики захватили ценные документы командования Квантунской армии. В результате их изучения оказалось, что в общей оценке группировки войск противника, подготовленной советской военной разведкой, с реальными данными серьезных расхождений не было. Были выявлены лишь

несовпадения в нумерации некоторых японских частей. Оценка операционных направлений, сильных и слабых сторон укрепленных районов тоже почти полностью подтвердилась, кроме незначительного расхождения в количестве огневых точек и характере оборонительных сооружений в некоторых укрепленных районах.

2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе был подписан акт о полной и безоговорочной капитуляции Японии. Первым акт подписал министр иностранных дел Японии Мамору Сигэмицу

За ним свою подпись поставил бывший начальник японского Генерального штаба генерал Есидзиро Умэдзу.

Генерал Макартур подписал акт от имени США.

От имени Советского Союза акт о капитуляции Японии подписал генерал-лейтенант Кузьма Николаевич Деревянко, кадровый сотрудник военной разведки.

Начальники РО штабов фронтов:

1-й Дальневосточный фронт (09.08.1945—02.09.1945 г.) — генерал-майор Н.С. Соркин;

2-й Дальневосточный фронт (09.08.1945—02.09.1945 г.) — генерал-майор Е.В. Алешин.

Примечания

- ¹ См.: *Вартанов В.Н., Почтарев А.Н.* Сталинский спецназ — 88-я отдельная.
- ² *Тарский Ю.С.* О некоторых аспектах подготовки и боевых действий разведывательного отряда РО КАФл в период войны против империалистической Японии в 1945 году. С. 1—6. Рукопись.
- ³ *Голицын П.А.* Записки начальника военной разведки. — М., 2002. С. 94—103.
- ⁴ *Пашиц В.* Записки командира Каспийского спецназа. — Баку, 2004. С. 54—55.
- ⁵ *Леонов В.Н.* Лицом к лицу. — М., 2005. С. 139—141.
- ⁶ Там же. С. 141—149.
- ⁷ Там же. С. 267—268.
- ⁸ *Пашиц В.* Записки командира Каспийского спецназа. С. 55.